

Посвящается маме и бабушке

Глава 1

Лондон, август 1880 года

Переминаясь с ноги на ногу на мокром тротуаре перед особняком в Челси и потев под шерстяным плащом, Хэтти Гринфилд невольно вспомнила последний раз, когда удрала от своего личного охранника. Все закончилось потасовкой с вредным полисменом, а ее близкая подруга угодила в тюрьму Миллбанк. Пожалуй, с побега от сурового мистера Грейвса начинались все самые опасные приключения. Впрочем, как и самые интересные.

Хэтти осмотрела лакированную дверь на верху лестницы. Бронзовый молоток в виде львиной морды с кольцом в зубастой пасти недвусмысленно предупреждал, что здесь находится логово зверя, и особа суеверная наверняка бы поостереглась. Однако на сей раз приключение не было столь рискованным, как марш за права женщин на Парламентской площади, — всего лишь экскурсия по частной художественной галерее. Совершенно безопасно!

Хэтти подхватила юбки и заспешила вверх по ступенькам.

Подруги напомнили бы ей, что галерея принадлежит мистеру Блэкстоуну — человеку, которого общество окрестило Вельзевул, к тому же конкуренту ее отца; и что любоваться его коллекцией прерафаэлитов без надлежащего сопровождения молодой девушке нельзя. Однако, во-первых, хозяина картин наверняка нет дома: на самом деле мало кто видел его во плоти. Во-вторых, Хэтти записалась на экскурсию как мисс Джонс, изучавшая классическую филологию в Кембридже, а не Хэрриет Гринфилд, студентка художественной школы

в Оксфорде и наследница банковского магната. В-третьих, на экскурсию по галерее, полной картин и антиквариата, позвали целую группу юных ценительниц живописи, которые наверняка придут с компаньонками. Если верить приглашению в ридикюле Хэтти, она и так уже заставила их ждать: мероприятие началось ровно в два часа, и маленькие карманные часики едва не прожгли дыру в ее корсаже.

Похоже, глухой стук дверного молотка никто не услышал. Хэтти позвонила в колокольчик.

Тишина.

Мокрая туфелька под полой простого шерстяного плаща принялась нетерпеливо притопывать. Наверное, экскурсию начали без Хэтти. Невдалеке от вокзала Виктория она выбралась из кэба, безнадежно застрявшего в заторе, и отважно прошагала под дождем оставшуюся четверть мили. Неужели все напрасно? Стук металла по дереву стал настойчивее.

Или она опять напутала? Хэтти порылась в складках плаща, ища ридикюль, и достала приглашение. Она посмотрела на указанный адрес, потом снова оглядела особняк. Все верно: номер двенадцать, площадь Карлайл. Площадь маленькая, и вряд ли здесь есть дом под номером двадцать один. Девушка снова постучала.

Внезапно тяжелая дверь распахнулась.

Открыл вовсе не дворецкий, а растрепанный мужчина с редеющими седыми волосами в заляпанном красками фартуке. От него исходил едкий запах... восковой полироли? Стараясь не глазеть слишком пристально, Хэтти попыталась вспомнить, не встречала ли это длинное морщинистое лицо среди знакомых художников. В отличие от нее мужчина не церемонился: сначала поискал взглядом отсутствующую компаньонку, потом пристально изучил и ее саму от промокнувшего подола плаща до вьющихся рыжих волос.

— А вы кто будете? — спросил он, растягивая слова.

— Я на экскурсию.

— На экскурсию? — В его глазах мелькнуло понимание.

— Да.

— Ясно.

Тонкие губы насмешливо скривились.

— Понятно.

Хэтти переступила с ноги на ногу.

— Боюсь, я немного опоздала. Видите ли, я приехала издалека, а моя компаньонка... заболела, потом на Лайалл-стрит я угодила в затор — из-за дождя все улицы забиты...

— Что ж, проходите, — сказал он и отступил в сторону, махнув рукой.

Сердит, как и все мужчины-художники, которых отрывают от работы.

Хэтти огляделась в поисках горничной, чтобы отдать плащ, однако холл был совершенно пуст. У нее возникло неприятное предчувствие, но пропахший полиролью мужчина уже удалялся, и торопливые шаги эхом отдавались в мощенном черно-белой плиткой холле.

— Сэр! — Она поспешила следом, переступая хлюпающими туфельками.

Они свернули в темный коридор. Слева манил взгляд ряд изящных статуй и ваз, но Хэтти пришлось сосредоточить все внимание на том, чтобы не поскользнуться на мокрых каблучках. Мужчина остановился и открыл дверь, жестом приглашая девушку войти. Она помедлила на пороге: хотя в комнате горел яркий свет, никакой группы там не было и в помине. Вообще никого! Художник нетерпеливо шелкнул пальцами, указывая на ближайшую козетку.

— Ну же, садитесь.

Даже издалека Хэтти разглядела, что диванчик был времен Людовика Четырнадцатого, и ее мокрый плащ непременно испортил бы шелк цвета сливочного масла.

— Не могли бы вы прислать кого-нибудь за моим плащом, мистер?..

Художник склонил голову в насмешливом поклоне.

— Скоро к вам подойдут.

— Сэр, я должна у вас спросить ...

Дверь закрылась прямо перед ней, и Хэтти изумленно моргнула, глядя на белую деревянную панель.

— Ясно, — вздохнула она.

В наступившей тишине сердце громко стучало в ушах. По спине текли струйки теплого пота. *Опасность*, твердила интуиция. *Владыка преисподней!* Так выразилась ее подруга Люси, выяснив, что недавно ее жених, лорд Баллентайн, одолжил у мистера Блэкстоуна денег на покупку издательства...

Хэтти попыталась улыбнуться.

— Приключение, — сказала она себе, — просто чудное приключение.

Хэтти повернулась лицом к комнате. Настоящее логово пирата! Сокровища громоздятся горами, каждая полка и столик уставлены великолепными вещицами: блестящие фарфоровые парочки — мейсенский фарфор, если быть точной, — белозолотые статуэтки филигранной работы, шкатулочки со скругленными углами, искусно вырезанные из нефрита всевозможных оттенков. Некоторые экспонаты освещались маленькими лампами с керамическими абажурами, причем настолько тонкими, словно сделаны из шелка. Стена напротив оклеена обоями с великолепными цветами по эскизам Уильяма Морриса — пустая трата денег, учитывая, что пространство от пола до потолка плотно завешено картинами в золоченых рамах.

— О боже! — тихонько рассмеялась Хэтти.

Кранах Старший, художник эпохи Ренессанса, висел рядом со сценой пикника в духе Моне. По сути, это куда интереснее, чем прерафаэлиты. К стыду Хэтти, больше всего ее сейчас манил горящий камин. Осторожно пробираясь мимо уставленных экспонатами пристенных столиков, она задела плащом фарфоровую балерину на острых пуантах, и та опасно закачалась. Господи! Какой бес вселился в мистера Блэкстоуна или в зрителя его коллекции, если он свалил без разбора в кучу эти драгоценные вещицы, словно гостей на небрежно организованном приеме, да еще в зале, открытом для посетителей?

Исходившее от камина тепло согревало слабо. Не менее разочаровало Хэтти и ее отражение в зеркале над каминной полкой: мокрое лиловое перо на шляпке напоминало крысиный хвост, шелковистые кудри растрепались, вздернутый носик покраснел. Если короткая прогулка так отразилась на лице, каков же ущерб, нанесенный туфелькам? Она высунула

ножку из-под плаща. Изыщные каблуки, вышитый крошечными жемчужинками белый шелк. Совершенно неподходящий выбор для подобной вылазки, зато любимые. Похоже, туфли восстановлению не подлежат. Сердце Хэтти упало.

Во всем виноват профессор Раскин! Если бы он не назвал ее картину «Похищение Персефоны» *прелестной*, то Хэтти не села бы этим утром в поезд. С тех пор как в прошлом году она поступила в Оксфорд, этот эпитет звучал слишком часто. Профессор бросил его, проходя мимо, и дружески кивнул, затем остановился возле мольберта лорда Skeffingtona и провел подробный разбор ошибок, а Хэтти стояла, напрягая слух, и внимала, как усилить в картине готичность. Так или иначе, идея хорошенько рассмотреть «Офелию» Джона Миллеса, которую мистер Блэкстоун прятал в своей коллекции, пустила корни именно на том занятии. Возможно, также сыграло роль и крошечное искушение проникнуть во владения Блэкстоуна — единственного человека во всей Британии, кто осмелился оставлять без ответа приглашения на ланч от ее отца.

Внимание Хэтти произвольно переключилось на две зеленые пузатые вазы по бокам часов на каминной полке. На фоне роскошных экспонатов коллекции они казались ничем не примечательными и невзрачными, словно бедные родственники на пышном балу, и все же... Всмотревшись в выпуклый рисунок на ближайшей вазе, девушка прищурилась. По шее пробежал холодок — перед ней была настоящая диковинка. И все же трогать ее не следовало... Хэтти стянула с левой руки перчатку, сунула в карман плаща и коснулась рисунка на ободке. Если повезет — если она осмелится проверить, то на дне есть отметка, которая подтвердит ее подозрения.

Размышляла девушка недолго. Она взяла вазу обеими руками, держа осторожно, словно сырое яйцо, и перевернула вверх ногами. Вот и отметка. Тонкие волоски на теле встали дыбом. Несомненно, ваза принадлежит эпохе Хань! Если подлинная, то ей около двух тысяч лет. Ладони Хэтти мигом вспотели.

— Лучше не надо, — раздался хриплый мужской голос.

Хэтти вскрикнула и прижала вазу к груди. Взглянув в зеркало, она содрогнулась. Пират вернулся в свое логово.

Она так увлеклась, что ничего не видела и не слышала. Похоже, он наблюдал за ней некоторое время, прислонившись плечом к дверному косяку и сложив руки на широкой груди. Хэтти медленно обернулась, чувствуя, как у нее внутри все сжимается. Конечно, он не пират, но и не джентльмен: ни сюртука, ни галстука, закатанные рукава обнажают мускулистые руки. Непокорные черные как смоль волосы слишком длинные, на подбородке — щетина. Больше всего выдавали его глаза — они смотрели на девушку так пристально, что она невольно поджала пальцы в мокрых чулках.

— Я просто... — Ее голос дрогнул.

Он закрыл дверь. Хэтти сжала вазу крепче. Вероятно, его прислали ее проводить, но нервы девушки звенели, как натянутые струны, умоляя бежать. Он шел к ней плавно, слишком плавно, и ни один из хрупких экспонатов даже не звякнул. Хэтти застыла, словно кролик перед удавом, не в силах оторвать глаз.

Выглядел незнакомец весьма колоритно: на бледном лице серые, как сланец, глаза, брови и ресницы чернильно-черные. Черты лица весьма мужественные, хотя идеальную симметрию слегка нарушал сломанный нос. Возраст навскидку не определишь, и все же сразу ясно, что этот мужчина многое повидал.

Удерживая на девушке пристальный взгляд, он сунул два пальца в горлышко вазы, которую Хэтти все еще прижимала к себе, словно воришка, застигнутый на месте преступления.

— Отдайте, — сказал он.

Хэтти молча выпустила вазу, вспыхнув до корней волос. Конечно, она выросла с братьями, да и в колледже училась вместе с мужчинами и совершенно не смущалась в их присутствии. Но когда незнакомец поставил вазу обратно на каминную полку, от него соблазнительно пахло хвойным мылом и накрахмаленной сорочкой — неуместное сочетание ароматов, которое никак не вязалось с обликом пирата, — и теперь Хэтти не знала, куда девать глаза. Она прекрасно осознавала, что этот человек — мужчина. Чуть выше среднего роста, мягкая хлопковая ткань обтягивает мощные плечи, подчеркивая бугристые мускулы, каких у джентльменов не увидишь. Он

склонил голову, Хэтти украдкой посмотрела на его лицо, и взгляды их встретились. Слева верхнюю губу незнакомца разрезал тонкий шрам. Во рту у Хэтти пересохло. Благодаря игре света его радужка стала на пару оттенков темнее.

— Это вышло случайно, — чопорно проговорила она.

На его лице промелькнуло ироничное выражение, ничуть не смягчившее жесткую линию рта.

— С кем имею честь, миссис?..

— Мисс. Меня зовут мисс Джонс.

Голос Хэтти прозвучал неестественно высоко, и незнакомец тут же распознал ложь. Взгляд его понимающе сверкнул.

— С какими же намерениями вы здесь, мисс Джонс?

Судя по акценту — шотландец. Букву «эр» произносит с мягким рычанием. Тогда понятно, откуда у него типично кельтская внешность — светлая кожа и темные волосы... Еще интереснее то, что от его тела так и пышет жаром — гораздо сильнее, чем от углей в камине. Незнакомец стоял слишком близко.левой рукой он все еще опирался на каминную полку возле плеча девушки, блокируя путь к отступлению.

Хэтти нервно облизнула губы. Какие же у нее намерения?

— Экскурсия по галерее...

Его плечи едва заметно напряглись.

— Вы уверены?

— Конечно, и я была бы очень обязана, если бы вы...

Он поднял руку и провел кончиком пальца по скуле Хэтти.

Ее коснулся *мужчина!* Хэтти замерла. Надо закричать, ударить его по лицу. Но тело ее не слушалось — она застыла неподвижно, чувствуя, как воздух между ними потрескивает от напряжения, словно вот-вот произойдет нечто грандиозное.

Серые глаза незнакомца были мягкими и опасными, как дым.

— Что ж, — прошептал он, — сейчас я устрою вам экскурсию, мисс Джонс!

Он обхватил ее затылок крепкой ладонью и накрыл ее рот своим...

Глава 2

Какие мягкие у него губы! Оцепеневшая Хэтти ощущала лишь прикосновение чужого теплого, влажного рта, ключей щетины, настойчивого языка, стремящегося проникнуть между ее губ... Дернув головой, она вскинула руку и вцепилась в шею незнакомцу звонкую пощечину. Удар прозвучал, словно выстрел.

Голова незнакомца мотнулась в сторону, и девушка запоздало вскрикнула. Он вздрогнул, изменился в лице и сощурился.

— Похоже, мадам такие экскурсии не интересуют, — хмуро заметил незнакомец.

С бешено колотящимся сердцем Хэтти отскочила от него подальше.

— Не трогайте меня!

Юбка за что-то зацепилась — на паркет упала какая-то вещь и разбилась вдребезги. Левая нога девушки подвернулась, лодыжку пронзила острая боль. Хэтти вскрикнула.

Мужчина выругался сквозь зубы и бросился к ней.

— Не подходите!

Он не внял — мускулистые плечи надвигались. Хэтти торопливо оглянулась — до двери недалеко. *Помощь...* Кого звать на помощь в этом огромном, пустом особняке?

Снова что-то с грохотом упало.

— Мисс!..

Она не глядя схватила с ближайшего столика какой-то предмет и направила на незнакомца, как рапиру.

— Стойте там, где стоите, или я проткну вас этой штукой!

Теперь он ее услышал. Не сводя глаз с импровизированного оружия, мужчина резко остановился и медленно поднял руки ладонями вперед, словно успокаивая испуганную лошадь, — можно подумать, это Хэтти повредилась рассудком, а не он!

— Ладно, только положите ее.

Девушка осознала, что сжимает в руке фигурку балерины, которую едва не сшибла ранее.

— Статуэтка уникальна, — добавил мужчина.

— Знаю, — заявила Хэтти. — Мейсенский фарфор, ограниченный выпуск тысяча семьсот четырнадцатого года.

В его глазах вспыхнуло удивление.

— Тогда вы должны знать, что не стоит уничтожать ее в припадке наигранного негодования.

— Наигранного?! — задохнулась Хэтти. — Вы, сэр, на меня накинулись!

— Прискорбное недоразумение, — признал он без капли сожаления.

Она погрозила ему балериной.

— Мистер Блэкстоун непременно услышит о вашем дурном поведении!

Его губы изогнулись в улыбке.

— Несомненно. Мисс Джонс, вам лучше присесть, — проговорил он, указав на подол ее юбки, — похоже, вы нанесли себе небольшое увечье.

Он не имел права ни указывать, ни намекать на части ее тела, однако без оскорбления явно обойтись не мог — конечно, ему надо было упомянуть вывихнутую лодыжку! Да и смотрел он на Хэтти с нарастающим раздражением, словно хищник, недоумевающий, почему добыча им помыкает.

Хэтти двинулась к двери бочком, как краб, прихрамывая на левую ногу и стараясь не упускать незнакомца из вида. Вырвавшись в коридор, она вздохнула с облегчением: всего в нескольких шагах стоял сердитый художник и тщедушный молодой блондин с вполне респектабельными усами. Лица у обоих были встревоженные.

— Слава богу! — Хэтти захромала к ним навстречу. — Мне требуется помощь. Тот мужчина... — Она указала боль-